

СЕРАФИМ ШАШКОВ

ИСТОРИЯ
РУССКОЙ
ЖЕНЩИНЫ

Серафим Серафимович Шашков

История русской женщины

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36325944

История русской женщины: Остеон;
ISBN 978-5-85689-228-3

Аннотация

Предлагаем читателю одну из наиболее пронзительных монографий выдающегося российского публициста и этнографа Серафима Серафимовича Шашкова (1841–1882). Все работы Шашкова проникнуты горячей верой в прогресс, нравственной чистотой, надеждой на возможность осуществления в жизни светлых идеалов, и в них ярко отражается личность их автора, – глубоко правдивого и честного человека, с твёрдыми убеждениями, со светлыми взглядами, с глубоким сознанием святости своего общественного служения, готового отдать жизнь за то, что он считал истиной и добром. В вышедшей в 1879 г. «Истории русской женщины» был дан беспощадно откровенный анализ отношения к женщинам на Руси и в России за последние века. Произведя шокирующее впечатление на современников, эта работа надолго стала настоящим знаменем всероссийского движения за равноправие женщин.

Содержание

Предисловие	5
Глава I.	9
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Серафим Шашков

История русской женщины

От допетровских времён

до середины 19-го века

© Л.И. Моргун. Литобработка, редактирование, примечания. 2018.

© ООО «Остеон-Групп». 2018.

*** * ***

Предисловие

Русская женщина до сих пор не имеет своего историка. Каких-нибудь два-три опыта исследований об исторических судьбах её, в роде книжки г. Добрякова, не стоят даже и того, чтобы упоминать о них.

Между тем, в виду вопросов эмансипации, волнующих современные женские поколения, знание былых судеб русской женщины представляется не только интересным, но и практически-полезным для дела освобождения. Настоящее есть результата прошедшего и постоянно находится под влиянием традиционного авторитета; мы убеждаемся на каждом шагу, что в современной жизни действует так много архаических принципов, что о прошедшем нельзя говорить, не задевая, в то же время, жизненных вопросов дня. Целые отделы современной жизни принадлежат вовсе не нашему времени, а служат только остатками того старинного быта, от которого цивилизованное меньшинство давным-давно уже отделилось навсегда. Брачная и семейная жизнь крестьянства, мещанства, купечества, духовенства, мелкого чиновничества, напр., по своим основным характерным чертам имеет так мало общего с современными понятиями и формами, что мы имеем полное основание рассматривать её в связи с жизнью русского общества XVI и XVII столетий. Такая классификация исторических данных кажется нам не только по-

лезною в практическом отношении, но и необходимою для большего уяснения прошлого посредством тех остатков его, которые продолжают существовать до сих пор, вследствие того обстоятельства, что низшие и частью средние классы все ещё остаются чуждыми того умственного и социального движения, которое совершается в среде европейски образованных слоёв нации. Поэтому, рассматривая семейную и брачную жизнь средних и низших классов XVIII и XIX столетий, в связи с историей допетровской женщины, мы, начиная с XVIII века будем следить только за судьбами женщины цивилизованного общества.

Тяжка и незавидна была судьба русской женщины: много слез пролито ею на пути её исторического существования; много горя, унижения и рабства вынесла она в семейной и общественной жизни, не искупив своих страданий ничем, что могло бы возвысить и отметить её в истории человечества. Мало того, что, по словам поэта, —

Три тяжкие доли имела судьба:
И первая доля — с рабом повенчаться,
Вторая — быть матерью сына-раба,
А третья — до гроба рабу покоряться, —
И все эти грозные доли легли
На женщину русской земли...¹

Мало этого. Независимо от полнейшего политическая

¹ Н. А. Некрасов. «Мороз, Красный Нос».

рабства и безусловной подчинённости семейству, идея женской отверженности проникла собою всю старинную жизнь, освящаясь религией, законом, обычаями и всеми гражданскими и общественными учреждениями. С этим согласно большинство наших историков. Но ни один из них не обратил должного внимания на то обстоятельство, что женщина старалась освободиться из этого положения, что она боролась с враждебными ей началами и улучшала постепенно свою незавидную долю. Правда, что в большинстве случаев это была борьба глухая, пассивная, едва заметная для постороннего зрителя, но, тем не менее, самый факт борьбы не подлежит сомнению. И противодействие русской женщины всему, что давило и порабощало её, было достаточно сильным, чтобы доставить ей несколько таких прав, за приобретение которых до сих пор ещё борется современная женщина самых развитых стран Европы.

Да, русские женщины, позади вас лежат целые столетия, ознаменованные тяжкими страданиями ваших прародительниц и их борьбою за своё освобождение. Наше время, продолжая эту борьбу, придало ей другой характер, поставило для нея более существенные и возвышенные цели. Старая, тысячелетняя борьба в наши дни не только продолжается, но и значительно усиливается. Твёрдо же пойдём вперёд с полною надеждою на будущее освобождение женщины, и если даже нам не суждено дожить до дня окончательной победы, то ми всё-таки можем насладиться хотя постепенным осу-

ществлением своих идей и умереть –

С верой, что вызовут наши гробы
Новое племя для новой борьбы!..²

Настоящий очерк в первый раз был напечатан под другим заглавием в журнале «Дело». Исправив и значительно дополнив его, автор решился издать его отдельною книгою, хотя и сознавал все его недостатки, зависящие сколько от неразработанности предмета, столько же и от того обстоятельства, что автор писал его в одном из самых глухих медвежьих уголков провинции, лишённый многих важных пособий, доступных столичному писателю. Но при всем этом автор думал, что как первый и единственный опыт обзора истории русской женщины и как дополнение к его книге: «Исторические судьбы женщины, Детоубийство и Проституция» – настоящий труд его будет небесполезным для развития у нас женского самосознания.

Успех книги и необходимость нового издания оправдали его надежды.

² Н.С.Курочкин.

Глава I.

Женщина в древнейшей славянорусской жизни. Факторы её постепенного порабощения.

В сочинении моем «Исторические судьбы женщины» читатель найдёт много данных, доказывающих, что в первобытной жизни народов женщина была гораздо свободнее и влиятельнее, чем при дальнейшем развитии человеческих обществ. Она успешно боролась против своего гнёта, она не только могла держаться наравне с мужчиной, но даже нередко достигала полного преобладания над ним; она была главою семьи и родство по матери служило основным принципом зачаточной общественной жизни.

Остатки таких первобытных порядков мы видим и в жизни древних славян.

Если бы не достоверные исторические свидетельства, то, зная характер современных славянских народов, трудно было бы поверить, что их предки отличались такою сильною любовью к свободе и независимости, что возбуждали изумление в греках и римлянах эпохи падения. «Даже рабы, по словам Маврикия, содержались у славян в неволе не всю жизнь, как это бывает у других народов, но, но прошествии

известного времени, им предоставлялось на выбор: или возвратиться на родину, заплатив выкуп, или остаться у славян людьми свободными и друзьями».

Любовь славян к свободе была столь общеизвестною, что в законодательных памятниках встречаются выражения: «свободен, как славянин», или «свободолюбив, как славянин».

Эту черту, столь естественную у первобытного и воинственного народа, мы замечаем и в характере древнеславянской женщины. Она ещё не окончательно покорена мужчиною, не превратилась ещё в служанку семьи и в подневольную одалиску³ мужа, безответную и бессильную перед своим владыкой. Узы брака ещё не окрепли, а у некоторых народов остатки первобытной половой свободы доходили до полного гетеризма. В языческой Чехии, по словам летописца Козьмы Пражского, «как свет солнца, как влага вод, общим достоянием всех были и луга, и пажити, и даже самые браки были общими. Брак продолжался одну ночь. На утро разрывались цепи любви. Тогда позволялось мужу иметь чужую жену и жене выходить за чужого мужа». Это отсутствие брака и полная общность женщины, которые мы встречаем в пер-

³ Одалиска (от тур. *odalik* – «горничная, рабыня, служанка») – женщина, состоящая в гареме султана. Одалиски воспринимались на Западе как наложницы или сексуальные рабыни, и их статус был ниже статуса официальной жены. Фактически они были прислужницами жён султана. Обычно они ни разу не видели султана. Прекрасная одалиска, сумевшая очаровать господина своей красотой, пением и танцем, могла стать женой султана.

вобытной жизни всех народов, исчезли у славян уже в самом начале той эпохи, когда на это племя было обращено внимание иностранцев, оставивших нам сведения об их жизни и нравах. Хотя мы уже видим в это время у славян и сильную отеческую власть, и брак, основанный на умыкании невесты, но в то же самое время остатки первобытной половой свободы продолжают держаться в славянской жизни, благодаря усилиям женщин. Самое умыкание девушек сплошь и рядом превращалось из насилия в дело свободного договора жениха и невесты. «Славяне – рассказывает Нестор, – сходились на игрища, устрояемые между селениями, и тут умыкали себе в жены девушек, с которыми сговаривались прежде». В Архангельской губернии и в некоторых местностях Сибири такие порядки существуют и до сих пор. Здесь женихи сплошь и рядом воруют любимых ими невест, родители которых несогласны на их замужество. Сговор об уходе между парнем и девушкой, как и во времена Нестора, совершается чаще всего на игрищах. В этих хороводных играх и песнях, уцелевших от древних времён, мы также видим ясные следы тех свободных сговоров и обоюдного выбора женихов и невест, о которых говорит летописец. Мало того, что в этих играх парни выбирают себе девушек, а девушки парней и составляют *пары*, и что в хороводах выбор пары предоставляется девушкам наравне с парнями, – часто мужчины и женщины составляют две отдельные партии, которые сходятся затем, чтобы договариваться о свадьбах. Женщины поют:

«Бояре, вы зачем пришли,
«Молодые, вы зачем пришли?»»

Мужчины отвечают:

«Княгини, мы невест смотреть,
«Молодые, мы невест смотреть!»»

Затем идут дальнейшие переговоры. На действительность подобных сходбищ партии невест и партии женихов указывают и чешские хроники. Козьма Пращский, рассказав легенду о борьбе девушек с юношами, говорит, что обе стороны заключили перемирие и устроили трехдневное общее празднество. «Вступают юноши на пир с девицами, как хищные волки, ищущие добычи. Весело проводят они первый день в питьё и еде. Чем больше пьют, тем больше возрастет жажда. Едва к ночи затихает пиршество. Настала ночь. На ясном небе сверкнула луна. Вдруг затрубил один юноша и, подав этим знак, закричал: «Полно пить, есть, играть! Вставайте, зовёт вас любовь!» — Юноши тотчас бросаются на девушек и умыкают их. Все это напоминает нам рассказы об амазонках, о гинейнократических первобытных народах, о современных папуасах северной Австралии, у которых до сих пор можно встретить общества женщин, живущие совершенно особо от мужских обществ. Весною, когда половой инстинкт пробуждается, самцы начинают гоняться

за самками, полы сходятся тоже на своего рода *игрища*, на которых и совершаются *умыкания*. Детей, рождённых от этих связей, матери выкармливают грудью и затем, если они не принадлежит к женскому полу, выпроваживают из своего общества. Конечно, игрища времён Нестора и Козьмы Пращского не имели уже столь грубого, чисто животного характера, но всё-таки они указывают своими чертами на те первобытные порядки, из которых они развились до форм, известных нам⁴. Умыкание и брак были далеко не единственной целью этих сборищ, которые устраивались прежде всего для празднества в честь богов полового наслаждения, для любви и веселья. На них царила полная свобода: это были оргии любви. Здесь допускались свободные объяснения в любви, поцелуи, объятия, и матери охотно посылали своих дочерей *поневеститься* на игрищах. «Тут, – говорит христианский обличитель этих празднеств, – стучат в бубны, и глас сопелий, и гудут струны, жёнам же и девам плескание и плясание, и главам их наживание, устам их клич и вопль, всескверные песни, и хребтам их вихляние и ногам их скакание и топтание, тут же мужам и отрокам великое прельщение и падение и жёнам и мужатым незаконное осквернение и девам растление». Переяславский летописец говорит, что при этом «от плясания, и от очнаго воззрения, и от обнажения мышц, и от перстов ручных показания и от перст-

⁴ См. об этом новое исследование Кулишера. D. Zuchtwahl bei d. Menachen in Urzeit, Zeitschrift für Ethnographien, 1870, Н. II.

ней возлагания на персты чужие, также посредством целования», мужчины «познавали, которая жена или девица к юношам похотение иметь, и плотию с сердцем разжегшись, слагахуся, иных поймающе, а других, поругавше, метаху на посмеяние».

Половою свободою, проявлявшеюся, между прочим, на этих игрищах, пользовались в особенности девушки, как о том свидетельствуют древние хроники и путешественники. Независимость незамужних женщин простиралась в древности до такой степени, что породила саги об амазонках, – саги, которые, при всей своей фантастичности, имели, без сомнения, некоторое историческое основание. «Девушки – говорит Козьма Пращский, – свободно росли в чешской земле, упражнялись в военном деле, избирали себе предводительниц, ходили на войну, занимались охотою в лесах – одним словом, в образе жизни мужчин и женщин не было различий. Оттого смелость девушек возросла до такой степени, что они недалёко от Праги построили на одной скале город, укреплённый самой природой; ему дано было имя *Девин*. Возмущённые этим юноши, собравшись во множестве, построили себе на противоположной скале, среди леса, другой город, который теперь зовётся Вышгород, а тогда, от кустарников, кругом его росших, назывался Тростов. И то девушки брали верх над юношами своею ловкостью, то юноши одолевали девушек силою; были между ними то мир, то война». Начальницею этих амазонок была одна из девушек знаменитой

Любуши, Власта, которой легенды приписывают намерение превратить всю Чехию в женское государство, лишив мужчин их власти и значения. Власта постановила законом воспитывать из детей только девочек, а мальчиков делать неспособными к владению оружием, выкалывая им правый глаз и отрубая на обеих руках большие пальцы. Мужчины победили амазонок и Власта была убита. В этом сказании, как и во всех подобных, несмотря на мифичность общего, сгруппировано, как об этом убедимся ниже, много черт из действительной жизни. Славянские девушки были воинственны и независимы по своему характеру до такой степени, что нередко могли успешно сопротивляться хищническим притязаниям мужчины и, охраняя свою независимость, поддерживать свободный характер любовного союза. Былины сохранили нам древние образы богатырши, паленицы⁵, вольной наездницы. Она совершенно свободно располагает своим сердцем, выбирая себе возлюбленных и по произволу меняя их. Прекрасная королева, к которой однажды заехал Илья Муромец, спрашивает его:

У тя есть ли охота, горит ли душа
Со мной со девицей позабавиться?

Тому же Илье жена Святогора предлагает «сотворить с

⁵ Паленица – устар. богатырь, наездник, товарищ удалой вольницы, искатель приключений; богатырка.

ней любовь». Марина сама предлагает Добрыне свою руку и сердце:

Ты Добрыня, Добрынюшка, сын Никитьевич,
Возьми-ка, Добрыня, меня замуж за себя!

Нередко подобная девица ищет себе такого жениха, который был бы сильнее и могущественнее её. Будущая жена Дуная, бывшая первым стрелком в Киеве, отправляется во чисто поле искать себе супротивников, с тем, чтобы выйти замуж за человека, который сумеет победить её. Если предмет страсти не поддаётся добровольно, то такая женщина, подобно современному ей мужчине, умыкавшему невесту, умыкает себе жениха. Вот, напр., встречает Добрыня «паленицу женщину великую», нападает на неё, бьёт её «в буйну голову своей палицей булатною, но паленице это решительно нипочём:

Она схватила Добрыню за жёлты кудри,
Посадила его во глубок карман

и увезла к себе с тем, что «если он в любовь ей придётся, то она сделает его своим мужем. Так и вышло. Выбор жениха невестой и даже следы умыкания женихов до сих пор сохраняются в малорусской жизни. Боплан, составивший описание Малороссии в XVII в., говорит, что здесь девушки сами выбирают себе своих будущих мужей, сами сватаются за них.

По словам Терещенко, если малороссийская девушка любит какого-нибудь мужчину, то сама упрашивает родителей выдать её за него. Со времени засватания до свадьбы помолвленные видятся между собой почти каждый день; они ходят вместе не только день, но и ночь. Невеста повязывает жениха рушником, что, по словам сватов, значить *вязать приводна* (т. е. приведённого), *чтобы он не убежал из хаты*. Это несколько намекает на то умыкание женихов, о котором говорят былины и на которое указывает сохраняющийся до сих пор в некоторых местах Малороссии свадебный обряд *ловли жениха*. «Родственники невесты выходят на улицу с палками в то время, когда жених подъедет к воротам; они забегают и гонят его палками на двор к невесте; он бьёт плетью своего коня и ускакивает с боярами; это делается до трёх раз. Когда загонят его во двор, то мать невесты берёт у него лошадь и привязывает её к столбу. Жених входит в сени, где встречает его невеста, у сестры или свахи которой дружки должны выкупать женихову шапку».

Если свадебные обряды умыкания невесты признаются за доказательство действительного существования в древности этого обычая, то обряд ловли жениха, вместе с некоторыми другими данными, можете служить основанием гипотезы, что в древности не одни мужчины умыкали женщин, а также и женщины умыкали и захватывали мужчин для брака, хотя, по всей вероятности, это удавалось им далеко не так часто и легко, как первым. Противодействие женщины

насильной выдаче замуж и стремление к свободному выбору мужа были достаточно сильны, чтобы заставить уважать склонности или антипатии невесты даже в таком быте, который совершенно враждебен женской свободе. Так, отец Рогнеды спрашивает, хочет ли она идти за Владимира. «Не хочу разуть сына рабыни, но за Ярополка хочу» – отвечает она, и целое семейство гибнет потому, что не хотело насилловать её свободы. Так, князь галицкий Владимир Васильевич, предвидя свою близкую смерть, заставил брата своего целовать крест, чтобы «не отдавать дочери его неволею ни за кого же, но где будет ей любо, тут её и отдати». Подобное уважение свободы девушки не могло, однако ж, прочно утвердиться в жизни при том крайнем развитии патриархальных начал, которое характеризует собою последующие эпохи нашей истории.

Воинственная, сильная, не задавленная ещё патриархальным гнётом славянка сохраняла значительную долю свободы и в брачной жизни, противодействуя деспотическим поползновениям мужа. Хотя некоторые иностранные писатели и говорят, что «жены славян были чрезвычайно целомудренны», но, с другой стороны, мы имеем много данных, свидетельствующих, что наши древние прародительницы не так охотно сносили наложенные на них брачные узы и старались удержать за собою в браке ту же свободу, какою они пользовались до замужества. И до христианства, и долго после введения его, расторжение брака было легко не только для

мужа, но и для жены. Жены сплошь и рядом бросали своих мужей, выходили за других, утешались с посторонними любовниками. «Знаю я ваши умы-разумы женские», – говорит Добрыня о современной ему женщине, – «муж пойдёт за дровами в лес, а жена пойдёт в замужество».

Если от мужа или любовника нельзя освободиться добром, женщина прибегает к преступлению, к ножу, к волшебным чарам. Отстаивая свою свободу от притязаний своего нелюбимаго мужа, женщина в то же время оказывала мощную, безграничную привязанность к человеку любимому. Бонифаций говорит, что «славяне, будучи народом мерзейшим и самым дурным, соблюдают, однако ж, с такою верностью взаимную любовь в супружеском союзе, что жена, по смерти мужа, сама отрекается от жизни, и та считается у них доблестною, которая своею рукою убьёт себя, чтобы сгореть с мужем на одном костре». Конечно, Бонифаций в этом случае сильно ошибается, приписывая обычай вдовосожжения исключительно жениной любви; но всё-таки наша старина свидетельствует, что самоубийство пережившей супруги, из-за любви к покойному мужу, тогда не было редкостью. Вот напр., Василиса Никулишна, мужа которой погубил кн. Владимир из желания обладать ею, отправляется к трупу своего мужа.

Берёт Василиса булатный нож,
Вспорола себе Василисушка груди белыя,

Покрыла себе Василиса очи ясные...

и умерла рядом с своим любимым Данилом. При такой сильной любви женщина естественно доходила до самой демонической мести за измену, и в этой мести, при всей её бесчеловечности и отвратительности, нас невольно увлекает та мощная сила характера, которой мы почти вовсе не замечаем в русской женщине последующих эпох. Вот девушка, которой изменил её милый, говорит ему:

Надсмеялся же ты надо мной, отсмею и я тебе:
Ты не думай, простота, что я вовсе сирота.
У меня ли у младой есть два братца родных,
Есть два братца родных – два булатных ножа;
Я из рук твоих и ног кроватьку смощу,
Я из крови твоей пиво пьяно сварю,
Из буйной головы ендову сточу,
Я из сала твоего сальных свеч намочу...

А после того, она хочет созвать гостей, близких убитому, и загадать им загадку: «я на милом сижу, об милом говорю, из милаго я пью, милым потчую, а и мил предо мною свечою горит».

В брачной и семейной жизни мы замечаем некоторые следы стремления к равенству полов. В былинах жених ищет себе такой невесты, которая была бы ему достойною «супротивницей», советницей и помощницей, знала бы грамо-

ту и «четье-пенье церковное». Невеста тоже хочет иметь мужем хорошего «супротивника», ровню. Муж сплошь и рядом обеспечивал свою жену известным имуществом. Семья невесты, взамен её наследственной доли, давала ей приданое. При неимении братьев, дочь была наследницей всего отцовского имущества. Жена могла иметь независимое от мужа имущество, землю, сёла и свободно распоряжаться им. В некоторых местностях жена считалась даже чем-то в роде главы дома. По древнейшему чешскому праву, жена принималась за представительницу семейства, и муж считался дома только тогда, когда он находился подле своей жены.

Если начинался процесс, то ответчик мог быть вызван к суду только в той местности, где была его жена. То же самое было в обычае и у сербов. Не смотря на то, что у славян, как и у всех полудиких народов, вступление в брак вдов считалось в большинстве случаев делом крайне нехорошим, так как женщина должна принадлежать своему мужу даже и мёртвому, мы всё-таки видим немало примеров того, как, вследствие женского влияния, конечно, сами мужья отступаются от этого варварского обычая и, умирая, предоставляют своим вдовам полную свободу. Добрыня говорит жене: «хоть вдовой живи, а хоть замуж поди; хоть за князя поди, хоть за боярина, хоть за могучего богатыря, а хоть за полномочного крестьянина». Князь Владимир Василькович в своём завещании также предоставляет жене полную свободу поступать «как ей будет любо; мне не смотреть же, вставши из моги-

лы, кто что будет делать после меня». Вдова, если не выходила замуж, делалась полною главою своего семейства и безусловно распоряжалась детьми, которые своим воспитанием были обязаны главным образом ей же, а не отцу: все герои и героини наших былин воспитаны своими матерями.

«В древние времена, – говорит Козьма Пращский – женщины ходили на войну, занимались охотою в лесах и образом своей жизни не отличались от мужчин». Византийские историки рассказывают, что в войнах с греками славянки, одетые в мужское платье, храбро дрались наряду со своими мужьями. Женщины былин, как мы уже отчасти видели, не уступают самым могучим богатырям своей силой, ловкостью и самостоятельностью характера, ведя такую же, полную приключений, жизнь, как и мужчины.

Жена Ставра, нарядившись послом, побеждает борцов Владимира, – одному из плеча руку выдернет, другому ногу выломит, третьего хватит хребтом о землю посреди двора. Она силою освобождает своего мужа из подземелья, в которое, за похвальбу, посадил его Владимир.

Жена Дуная – первый стрелок в Киеве.

Пелька, дочь Соловья Разбойника, является достойною супротивницей Ильи Муромца.

Паленица «женщина великая» побеждает Добрыню.

Когда на Киев напал Тугарин и гонец, посланный Владимиром за Ильёй Муромцем, не нашёл его дома, жена Ильи велит седлать коня, одевается в платье богатырское, воору-

жается и, принимаемая всеми за своего мужа, скачет к Киеву и обращает в бегство Тугарина, который «бежал в свои улусы загорские, проклиная Илью Муромца, а богатырь Илья Муромец знать не знал, ведать не ведал, кто за него бился с Тугарином».

Подобную же амазонку видим мы и в легенде о Перепетовом кургане. «В незапамятные времена около Киева жил предводитель одного племени, Перепет. Однажды, услышав о приближении неприятеля к своим областям, он собрал дружину и, оставив жене управление, отправился против врага. Жена долго не получала никаких известий о нем, наконец увидела сон, предвещавший гибель её мужа. Чтобы спасти мужа или отомстить за его смерть, она собрала войско и отправилась по следам мужа. Рано утром, когда туман покрывал поля, она встречает какое-то войско. Приняв его за неприятельское, убившее её мужа и истребившее его дружины, она нападает с яростью и в первом пылу сражения убивает своего мужа. После сражения, узнав свою ошибку, жена Перепета с отчаяния сама лишила себя жизни. Дружина насыпала над их телами две высокие могилы и назвала одну из них Перепетом, другую – Перепетовскою».

Но не одною физическою силою женщина поддерживала в древности своё значение, которое она потеряла при дальнейшем ходе истории. Подобно германцам и большинству других полудиких народов, славяне, выражаясь словами Тацита, «видели в женщине нечто священное», сверхъестественное.

Она обладает вещью силою, знанием тайн природы, всесильными чарами волшебства. Любовь к женщине, по древнему и современному воззрению народа, есть ничто иное, как результате действия волшебных чар её. По малорусским верованиям, даже мать, купая своего ребёнка в известных зельях, можете приворожить ему долю. В песнях сплошь и рядом намекается на эту волшебную, непобедимую силу любви и говорится, что «без прилуки молодец к красной девушке не ходит». И если у современных русских не только низшего, но частью даже и среднего класса любовь не можете быть объяснена ничем другим, кроме волшебства и привораживания, то совершенно понятно, что в древности эта могущественнейшая из страстей могла быть приписана одному только действию сверхъестественных сил. «По народному воззрению, – говорит Афанасьев, – чувство любви охватывает человека, как внутреннее пламя, возжигаемое в его сердце стрелою громовника и раздуваемого буйными вихрями. Желая возбудить это страстное чувство, волшебницы вынимают из груди юноши или девицы сердце, жарят его и наговаривают любовную тоску». Заговоры, присушки, заклинания в любви составляют один из главных предметов деятельности древней женщины. И вследствие чар её, «те же ветры буйные, которые весною пригоняют дождевые облака, раздувают пламя грозы и рассыпают по земле семена плодородия, приносят и любовь на своих крыльях, навевают её в тело белое, зажигают в ретивом сердце. Кто влюблён, тот очарован».

Эта чарующая сила женщины употребляется ею не на одно только внушение любимому человеку страстного вожделения к себе, но и для наказания его за измену, для гибели своих соперниц, для мести за своё неудовлетворённое чувство и оскорблённое самолюбие. Плающая любовною местью женщина, посредством своих чар, насылает на кого следует разные несчастья, причиняет смерть, превращает в животных, отравляет всю жизнь страданиями. Волшебная сила женщины обращена не на одну только любовь. Она обладает даром пророчества и высшей судейской мудрости, как увидим ниже; она может посредством трав, корней и разных зелий исцелять болезни, избавлять людей от страданий, насланных на них злою волшебною силою. Искусство врачевания, толкование снов и примет, отыскивание пропавшего или украденного, предсказание о будущем, привораживание и отвораживание в любовных делах были преимущественно в руках женщины, равно как и родовспомогательное искусство, также соединённое с знахарством. В последующую эпоху, под влиянием византизма и верований азиатских инородцев, все эти свойства и профессии женщины получили характер злого, враждебного, дьявольского ведовства; но нет сомнения, что в первобытной славянской жизни женщина имела более светлое и благотворное значение, следы которого до сих пор можно видеть в народных верованиях и преданиях. В ряду божеств одно из первых мест принадлежало Матери-Земле, щедрой кормильнице и покровитель-

нице всех людей. Главную служительницей и представительницей этой богини была женщина, которая своим участием в религиозных торжествах в честь Земли преклоняла последнюю на милость к людям, побуждала её к плодородию, парализировывала действие сил, враждебных благодетельной силе Земли, которая относится к людям как любящая мать — плачет об их бедствиях, радуется при виде их счастья. Воспоминание об этом благодетельном значении женщины до сих пор сохранилось во многих местах в обряде опахивания; напр., во время повальных болезней людей или скота, крестьяне в некоторых местностях, по приговору мирской сходы, решают остановить посредством этого обряда ход эпидемии. Старуха-повешалка выходит ночью в одной рубахе на околицу и с диким воплем бьёт в сковороду; на её призыв со всех сторон собираются бабы и девки с ухватами, кочергами, косами, серпами, помелами и дубинами. Ворота во всех домах запираются, скот загоняется в хлевы, собак привязывают. Сбросив с себя рубаху, повешалка клянёт смерть; другие женщины привозят соху и запрягают в неё эту голую бабу; потом начинается троекратное опахивание вокруг села, причём сопровождающая толпа держит в руках лучины или горящие пуки соломы. Впереди несут иконы. Затем едет старуха на помеле, в одной рубахе и с распущенными волосами; за нею двигается соха, а за сохой девка, с кузовом собранного со всех домов разного зернового хлеба, который она сеет по пролагаемой борозде. Следующая за тем толпа пляшет,

вертится, кривляется, размахивает по воздуху принесёнными орудиями, бьёт в тазы, чугуны, заслонки, косы, свистит, хлопает кнутами. Останавливаясь перед каждым двором, бабы и девки стучат в ворота и бешено кричат: «Бей, секи, руби смерть; сгинь, пропади, чёрная немочь; запашу, заколю, загребу, засеку, замёту!» При этом поются разные заклинательные песни. Благодетельное ведовское значение женщины выражалось таким образом в её содействии к избавлению от разных частных и общественных зол и напастей. Независимо от этого, подобно своей богине Земле, женщина в первобытной жизни была представительницею человеческой любви, благотворительности и мира. Материнская любовь, служащая первичною формою всех развивающихся впоследствии гуманных чувствований, всегда представляется сильнее, глубже и беззаветнее любви отцовской. Равным образом, первобытная женщина изображается гораздо сострадательнее мужчины и к чужим людям. Эта сострадательность и сердечная мягкость простираются до того, что, в русских сказках, сидящие в жилище чёрта его бабушка, мать или сестра, в большинстве случаев, оказываются благосклонными к странствующему герою, прячут его от чёрта и помогают ему в нужде.

У германцев женщина называлась «ткущею мир»; у всех народов, в первобытную эпоху их истории, она служила делу человеколюбия и упрочивала своим влиянием благоденствие как семьи, так и общества. То же самое видим мы и в

жизни древних славян. По древнему праву чехов, напр., если убийцу находили подле его жены и она обнимала его и прикрывала своим подолом, то мститель обязан был оставить его в покое. В связи с этим миротворящим, гуманизирующим влиянием женщины стоит ещё её поэтическая деятельность. «Женские песни славянских племён, – справедливо замечает Буслаев, – бесспорно, говорят в пользу той мысли, что народные обычаи, верования и вообще эпическая старина наполовину обязаны своим происхождением душевным способностям женщины, которых быстроту и восприимчивость объясняла себе суеверная старина *вещею силою*».

Воинственность древнеславянской женщины, её равносильность с мужчиною и особенно её вещая сила была основою её общественного значения и равноправности, на которые мы имеем немало указаний истории. Первыми знаменитыми правительницами славян, первыми их законодательницами, судьями, устроительницами мира и порядка являются великие, мудрые, вящие жены. Славянская цивилизация начинается женщинами, и пока женщина, особенно у русских, не была окончательно оттеснена на задний план, не обращена в полное рабство, до тех пор эта первичная цивилизация имела в себе такие хорошие задатки, которые могли поставить славян наряду с западными европейцами и едва ли допустили бы до того, чтобы название народа, бывшее синонимом свободолюбия, получило значение *раба*⁶.

⁶ Slave – раб, славянин.

Древняя сага, изукрасившая своими фантазиями действительность, говорит о Ванде, дочери Крока, правителя ляхов и основателя Кракова. Необыкновенная красавица, мудрейшая и целомудренная дева Ванда избирается в правительницы всем народом; она царствует мирно, счастливо и благотельно для подданных. Один немецкий князь, поражённый молвою об её красоте, долго и напрасно хлопочет, чтобы жениться на ней, наконец, решается завладеть ею силою и ведёт в Польшу большое войско. Ванда выходит против него со своею армией и обращает в бегство врагов одним только видом своей волшебной красоты. Князь в отчаянии от поражения и неудовлетворённой любви восклицает: «Ванда повелевает землёй, водой и воздухом! Ванда приносит себя в жертву за народ свой! И я, товарищи, обрекаю себя в жертву подземным богам, чтобы все потомки ваши и потомки потомков ваших состарились под властью женщины!» Сказав это, он закололся. Ванда же, вернувшись домой, благодарит богов за победу и сама приносит себя в жертву им, бросаясь в воды Вислы.

Конечно, частности этой саги принадлежат к области мифа, вероятно, ещё испорченного записавшими его хроникёрами; но основной факт, факт владычества мудрой женщины, не подлежит сомнению. Он, в формах более исторических, встречается в традициях чехов, а у русских имеет несомненную историческую достоверность.

Чехами в древности правила вещая дева Любуша. Она

обладала высшею государственною мудростью, её старшая сестра отличалась постройкою городов, а средняя занималась медициной. Эти намёки на равное с мужчиной участие женщины, даже на преобладание её в общественной жизни, дополняются подробностями знаменитого отрывка из чешского народного эпоса, в котором женщина является и государыней, и судьёй, и вещью жрицею. Два брата ссорятся о наследстве. Для решения дела Любуша сзывает народное собрание, кметов⁷, лехов и владык великих, а вместе с ними и братьев-соперников. Собрались все они в Вышеграде, заняли свои места, и – говорит известный отрывок чешского эпоса –

К ним тогда княжна в одежде белой
Вышла, села на престоле отчем.
На престоле отчем, в главном сейме.
Вышли две разумные девицы
С мудрыми судейскими речами;
У одной в руках скрижали правды,
У другой же меч, каратель кривды,

⁷ Кметы (также комиты, кмети, кмиты; др.-рус. кѣмь) – термин, широко распространённый в Средние века у славянских народов и имевший различные значения. Первоначально кметами назывались, по-видимому, свободные члены общины, племени. В древнерусских литературных памятниках («Слово о полку Игореве» и др.) кмет – лучший, опытный, искусный воин, витязь, дружинник. В феодальной Болгарии и Сербии кметы – сельские старосты; в Боснии и Чехии – иногда должностные лица, иногда отдельные категории крестьян; в Польше – зависимые крестьяне, имевшие полный надел; в Хорватии – редко вассалы, а обычно – зависимые крестьяне, в том числе и крепостные.

Перед ними пламень правдовестник,
А за ними воды очищенья.

Любуша постановляет свой приговор, а две деvy собирают голоса народа. Любуша постановляет: «по закону вечно-живущих богов, братья должны владеть именем вместе или разделить его поровну». Большинство голосов было решено, что они должны владеть вместе. Но в народе оказалась уже партия, стоявшая за первородство и крайне недовольная женским владычеством. «Поднялся лютый Хрудош от крутой Отавы, —

«Весь во гневе лютom он затрясся,
Закипела жёлчь в его утробе,
И махнув могучею рукою,
Заревел к народу ярым туром:
«Горе, горе молодым птенятам,
Коль эхидна к ним в гнездо вотрётся;
Горе мужу, если он допустит
Управлять собой жене строптивой!
Мужу должно управлять мужами,
Первородному идёт наследство!»

Оскорблённая таким протестом, Любуша, отказываясь от престола, предложила народу выбрать князя, но народ объявил, что он признает князем того, кого она сама выберет себе в мужья. Она выбрала Пржемысла, который, по словам хроники, «подчинил законам народ необузданный, укротил

его властью и вместе с Любушею дал чехам права и законы». Женщина, таким образом, лишилась политической равноправности с мужчиной, как это было и в Польше, где, при выборе князя после баснословного Попела, народ положил выбрать того, кто первым переправится из-за оз. Гопла, *кроме женщин*. Водворение этой патриархальной привилегированности мужчин возбудило в женщинах сильное недовольство, как видно из приведённой выше легенды о Власте. Первоначальная русская история представляет нам типический образ Ольги, этой женщины, бывшей великим мужем своего века. Ольга, по летописи, обладает государственною мудростью, которая ставит её выше всех окружающих. Она правит государством, как князь, предводительствует войском, мстит древлянам за смерть своего мужа, покоряет их Киеву, путешествует в Грецию, покровительствует распространению христианства, ездит на охоты, ходит по стране, определяя дани и оброки, давая законы, наводя порядок. Её значение в истории русской культуры видно уже из одного того обстоятельства, что народ в течении нескольких веков сохранял благодарную память о ней, а в Пскове долго хранились сани, в которых ездила эта энергичная правительница. Ни один из князей не имел такой популярности и не жил так долго в народном предании, как Ольга.

«Деятельность Ольги – говорит Забелин, – представляет нам типический образ всей княжеской деятельности первого века. Ольга делает то же, что делали все первые князья, вое-

вавшие и торговавшие с Цареградом, покорявшие соседние племена, уставлявшие уставы, оброки и дани. Все это было обычным княжеским делом в то время. Необычайно только то, что Ольга, женщина, совершает эти мужские и мужественные дела. Но казалось ли это необычным для её современников? Мы полагаем, что общее убеждение находило деяния Ольги очень обыкновенными и естественными. В сущности, она не делает ничего такого, что могло бы противоречить её положению. В её деяниях ничего нет зазорного для её положения, как женщины вообще, как вдовы в особенности». Женщина в то время обладала многими правами, а *матёрая* вдова, т. е. вдовая, имевшая детей, была почти совершенно равноправна с мужчиной. Женщина владеет и управляет имением и семейством; жены князей принимают посланников и ведут переговоры; в договоре Игоря с греками в числе русских послов упоминаются и послы от жён; княгини владеют городами и имеют даже своё отдельное войско, содержащееся за их счёт; об этом свидетельствует сага об Олафе, а в одной из русских былин жена Владимира, княгиня Апраксеевна, даже соперничает с мужем в этом отношении и хочет набрать в свою дружину более храбрых и сильных богатырей; женщины, иногда по крайней мере, участвуют на вече и имеют право самостоятельно вести процессы. Они выходят и на судебные поединки, причём, по обычаю, утверждённому псковской судной грамотой, если судебное поле будет присуждено «жонке с жонкою», то на-

ёмного бойца не должно быть ни с которой стороны. За обиду женщины платилась большая вира, чем за обиду мужчин, а по древнечешскому и польскому праву, за изнасилование женщины, как за убийство, полагалась смертная казнь.

Многие из этих прав и преимуществ, как увидим ниже, удерживались женщинами в течении некоторого времени и в последующую эпоху постепенного женского порабощения. Но и в первичный период истории слегка очерченные нами вольности и права женщины далеко не имели такого безусловного значения в жизни, как это может показаться с первого взгляда. Всё это были частью отживающие остатки первобытной женской свободы, частью же плоды борьбы женщины с враждебными ей началами, под влиянием которых совершалось её постепенное порабощение. В жизни каждого первобытного общества наблюдателя обыкновенно поражает множество самых радикальных противоречий, какая-то чудовищная смесь добродушия и зверской жестокости, братства и ненависти, честности и безнравственности, апатии и страстности, суеверного страха перед богами и дерзкого кощунства, доходящего до наказания идолов плетьюми и розгами, семейных добродетелей и антисемейных пороков, женской свободы и женского рабства и т. д. Это значит, что в таком обществе идёт ещё процесс его социального брожения, совершается борьба разнообразных элементов, долженствующих впоследствии слиться в одну более или менее солидарную массу. То же самое видим мы, в частности, и в истории

женщины. Принцип её свободы и равенства борется с патриархальным началом её подчинённости семье и мужу. Поэтому-то в первобытной славянской жизни наряду с указанными нами правами и преимуществами женщины и со светлыми народными воззрениями на неё, мы видим целый ряд идей и явлений совершенно противоположного характера.

Славяне живут отдельными независимыми семействами, разрастающимися в роды. У некоторых племен семейный союз ещё не окреп и внутри его идут постоянные раздоры между домочадцами. У поляков отеческая власть не успела ещё утвердить своих абсолютных прав. Отношение отца к взрослым сыновьям было основано скорее на равенстве, чем на подчинённости. Отец отчуждал семейное имущество не иначе, как с согласия жены и детей. Когда родитель старился и дряхлел, то сыновья *ipso facto*⁸ этого одряхления вступали во владение семейным имуществом. Непрочность семейной связи видна и из того обстоятельства, что, по свидетельству арабских путешественников, отец был обязан кормить и воспитывать своего сына только до совершеннолетия. Тогда отец давал ему лук со стрелами, говоря: «ступай, промышляй сам о себе». Несмотря на это, у большинства славянских племён семейный союз является уже прочной институцией и независимые одно от другого семейства, разбросанные по стране, представляются небольшими государствами. Такой быть отчасти сохранился до сих пор в Сербии. «Жилища в

⁸ *Ipso facto* – лат. (ипсо факто) в силу самого факта.

Сербии» – говорит Мармье – «рассеяны по долинам и холмам; каждое жилище составляет свой отдельный, небольшой мир; в нём соединены все ремесла, а поля и леса, окружающие эту колонию, удовлетворяюь всем её потребностям. Сообщения между этими земледельческими коленами довольно затруднительны. Пройдя лесом по неровным тропинкам, извивающимся по отлогости холмов, и перейдя в брод несколько речек, доходишь до одной из обширных ферм, обитаемых тремя или четырьмя поколениями. Сербские семейства никогда не разлучаются. Каждый сын, который женится, приводит свою жену под отцовский кров. Им дают в одном из флигелей отдельную комнату, но для всех, для старых и для молодых, очаг и стол один. Там разделы неизвестны; там деды видят вокруг себя вырастающих внуков. Все члены живут, как рой пчёл в одном улье». У племён, живших подобными семействами, отеческая власть имела уже такой абсолютный характер, что в сравнении с нею кажется мягкой даже римская *patria potestas*.⁹ Отец семьи или рода был государем, собственником, судьёю и жрецом¹⁰). Он имел право над жизнью и смертью своих детей, особенно женского пола. Под жертвенными ножами отцов детская кровь сплошь и рядом обгаграла собою домашние алтари славян. Родительская власть основывалась не на одной только физической силе,

⁹ *Patria potestas* – власть римского домовладыки (отца семьи) над детьми, в число которых включаются и дети детей, т. е. внуки, правнуки и т. д.

¹⁰ Князь значить родоначальник, отец семейства и жрец (сравни *ксендз*).

но имела свойства сверхъестественного божественного значения. Воля отца, или матери определяла всю будущность детей. Их благословение приносило с собою всевозможные блага, избавляло от всяческих бед, от болезней, преждевременной смерти, кораблекрушения. Родительское проклятие всемогуще в такой же степени. Дети, проклятые отцом или матерью, неминуемо подвергаются ужасным бедствиям; они делаются добычею водяных и леших. Злое, неосторожно сказанное в сердцах слово, хотя бы и вовсе без желания, чтобы оно сбылось, никогда не останется без дурных последствий для проклятых детей. Самая религия, в своей первичной форме, носила домашний, семейный, родовой характер и состояла в поклонении предкам. Мифическая личность дедушки-домового была главным божеством семьи, домашний очаг его алтарём, а отец семейства – жрецом-жертвоприносителем. В лице домового чествовался начальный основатель рода, первый устроитель домашнего очага. Каждое семейство, поэтому, имело своего бога; каждый дом славянина, каждая *храмина* была в то же время и *храмом* для своих обитателей. Домовой – это идеал патриархального *хозяина*, как он называется ещё до сих пор. Он заботится обо всякой мелочи домашнего обихода, за всем наблюдает, помогает работникам, даже ворует из чужих домов в пользу своего семейства.

Когда из домочадцев кто-нибудь умирает, домовый воет по ночам, выражая тем свою глубокую печаль о таком се-

мейном горе. Но в то же время, как настоящей грубый патриархал, он требует от семьи и почтения и всякого уважения, иначе, становится злым и мстительным. Иногда он даже ни с того, ни с сего вдруг начинает самодурить, *проказить*, делать разные пакости и подрывать благосостояние дома. Независимо от культа домовому, у славян до сих пор сохраняются ещё довольно крупные остатки их первобытного поклонения всем вообще своим умершим родственникам. Во всех почти наших губерниях до сих пор в известное время совершаются в разных формах праздники в честь мёртвых, которых угощают не только на их могилах, но и устраивают для них дома обеды, на которых они будто бы невидимо присутствуют. Тот же семейный, патриархальный характер мы видим и в общенародных божествах. Главным сюжетом этой общественной религии и соединённых с нею обрядов служит брак Неба с Землёю, причём последняя почти вовсе теряет свой древний, самостоятельный характер и является только патриархальною матерью, оплодотворяемую *отцом* – Небом. «Не земля родит, а небо» – гласит народная пословица, выражающая собою идею полного преобладания в религии патриархально-отцовского принципа над материнским. Вся твердь небесная, все светила являются в этом мирозерцании одною громадною семьёю –

Красно солнце – то хозяин в дому,
Светел месяц – то хозяйка в дому,

Часты звёзды – то малы детушки.

В этой религии мы видим религиозное признание родительского права над жизнью и смертью своих детей. Есть явные следы древнего обычая, при переходе в новое жилище умилоствлять богов его принесением в жертву детей. Общенародные божества также любили детскую кровь, которая и проливалась на алтарях их.

Личность домочадцев совершенно исчезала перед лицом домовладыки; все они были рабами его, и название подчинённая члена семейства было тождественно с именем раба¹¹). Прав первородства не было, и по смерти родителя дети делили его имущество поровну или владели им сообща, выбрав «из рода своего владыку в отца место», как выражались наши предки. Союз семей или родов образовал общину семей, отцы которых избирали себе *князя* или родоначальника, вокруг которой мы видим совет из *старцев*, превратившейся впоследствии в вече. Идеи родительской власти, родительской опеки, кровного родства, как единственной основы общества и сыновнего повиновения *младших старшим*, уже в первичную эпоху истории славян лежали в основе всего их быта. Говоря о последующей эпохе, в которую эти принципы развились до своего апогея, мы ближе ознакомимся с этим основным началом нашей старинной жизни, сообщавшим ей

¹¹ Что слово *раб* значило *малый, юный*, доказательством служит *робенок* или *ребёнок*. Слово *отрок* означало также и *мальчика* и *раба*.

характер грубого, неподвижного варварства.

Отдельные, независимые семьи были рассеяны по дикой, необработанной стране, покрытой болотами и непроходимыми лесами. Они жили в дрянных избах, построенных на большом расстоянии одна от другой. Эти избы или *дворы* были царствами, владыки которых вместе с своими подданными-домочадцами постоянно ссорились и воевали друг с другом. Родовыми раздорами и усамицами начинается, как известно, наша достоверная история.

При такой изолированности семей и при их взаимной враждебности заключение браков между разнородцами было чрезвычайно трудно. Поэтому и были в ходу кровосмесительные связи между мужчинами и женщинами одной и той же семьи, о чем свидетельствует и Нестор, говоря о древлянах¹². Понятно, что такие связи естественнее и чаще всего возникали между братьями и сёстрами, что можно встретить даже до сих пор в разных полудиких захолустьях нашего отечества. Один из известных русских этнографов передавал мне следующую сцену из крестьянской жизни Вятской губернии. Парень лежит на печи и стонет. Мать расспрашивает его, отчего он стонет. Оказывается, что он болен вследствие несчастного любовного похождения. Мать читает ему нотацию за то, что он связывается с разными посторонними потаскухами; «вон, ведь, есть свои кобылы говорит она, ука-

¹² Такие кровосмесительные браки мы видим и в истории других народов. См. об этом в моей книге: «Историч. судьбы женщины».

зывая на дочерей». Воспоминание об этих кровосмесительных связях, бывших в большом ходу в древности, сохраняется и в наших былинах. Когда, напр., Илья Муромец спрашивает у Соловья Разбойника, отчего у него «дети во единой лик», то Соловей отвечает:

«Я сына-то выращу – за него дочь отдам,
«Дочь-то выращу – отдам за сына,
«Чтоб соловейкин род не переводился».

В народных песнях и свадебных обрядах мы находим новые подтверждения в пользу той гипотезы, что история брака началась именно такими кровосмесительными связями сестёр и братьев. В народной поэзии брат и сестра постоянно представляются соединёнными между собой самыми тесными узами любви, которая иногда, вследствие разных обстоятельств переходит в такую ненависть и порождает такую месть, которые в других случаях обыкновенно представляются следствиями любовной измены и ревности. В девушке наших песен, которая –

Змей печёт, зелье делает...

Сестра брата извести хочет, –

мы видим ничто иное, как воспоминание о древней сестре-любовнице, о той эпохе, когда –

Было беззаконство великое,
Брать на брата с боем ходил,
Брат сестру за себя имал.

В свадебных обрядах брат более всех домочадцев сторожить свою сестру от жениха-умыкателя: он более всех недоволен её выходом в замужество; он сопротивляется притязаниям жениха; он отражает его наезд. Жених платит за невесту выкуп её брату и занимает подле неё его место. Между женихом или дружкой и братом идёт формальный и продолжительный торг за невесту, родители которой играют при этом второстепенную роль, а главная принадлежит брату, интересы которого представляются наиболее затронутыми выходом замуж его сестры, в которой он терял в древности не только соработницу, но и любовницу. На это же указывает, кажется, и выкуп невестиной косы: жених платит брату невесты, *чтобы он не обрезывал ей косу*, обрезыванье косы у женщины или девушки было знаком мести или наказания за её половую измену или любовную связь, неприятную для того, кто совершал это обрезыванье.

Такие кровосмесительные браки, главным образом вследствие своей вредоносности для потомства, не могут долго удерживаться в общем употреблении и по необходимости заменяются насильственным захватом чужих женщин, умыканием. Все данные убеждают нас, что история брака началась именно таким насильственным захватом женщин. Филоло-

гия, напр., показывает, что слова *пояти жену*, *rojas zong*, *поняты жинку* означают буквально *поймать*, изловить себе жену. Но сведения, сообщаемые нашим летописцем об этой первичной форме заключения брачного союза, далеко не отличаются полнотою и точностью. Нестор говорит, что женихи умыкали своих невест, которых они предварительно подговаривали и которые сами соглашались на такое похищение. Но те же летописи свидетельствуют, что этот обычай далеко не был всеобщим, а исключительным, и что как девушки, так и замужние женщины сплошь и рядом умыкались и содержались в брачной неволе без всякого с их стороны согласия. Упоминаемая Нестором форма умыкания была уже значительным смягчением в истории брачного союза, который сначала всегда основан на насилии, на победе жениха над невестой, а иногда и наоборот. Эта форма, развивающаяся вследствие успешной борьбы первобытной женщины за свою независимость, является уже переходною ступенью к браку, как к свободному союзу двух независимых личностей. Такое насильственное, невидимому, умыкание даже более прогрессивно, чем сменившая его совершенно мирная купля-продажа невесты.

Мы можем составить себе ясное представление о первичной форме брака, основанного на разбойничьем захвате невесты женихом её. Народные песни и свадебные обряды дают нам много драгоценных материалов, из рациональной группировки которых можно составить довольно пол-

ную картину древней русской свадьбы. Волх Всеславьевич говорит своей дружине:

«Гой еси вы, дружина храбрая!
«Пойдём мы ко царству индейскому,
«Рубите старого, малого,
«Не оставьте в царстве на семена,
«Оставьте только вы по выбору,
«Не много, не мало семь тысячей,
Душечки красны девицы». —
И та его дружина храбрая
На тех девицах пережилася.

Наезды женихов для умыкания девушек сопровождались нередко грабежом, разорением жилья, полоном всего семейства, покорением всего невестина рода. Эта первобытная форма брака до сих пор существует ещё у некоторых славянских племён, у черногорцев, сербов и болгар. В Болгарии и Сербии молодёжь охотно идёт на умыкание. Юнаки-умыкатели, или *отмичари*, собираясь на похищение девушки, вооружаются как в поход, подкарауливают её и умыкают. Иногда они нападают на дом девицы, завязывают настоящий бой, и на выстрелы сбегается всё село с ружьями, пистолетами и кинжалами. Не мало стыда *отмичарям*, если они возвратятся без девушки, и поэтому они все готовы лучше сложить головы, нежели упустить её из рук. Похищенную уводят в лес, где и он обручает её с женихом, и затем ведут в дом по-

следнего. Иногда целое село, из которого похищена девушка, идёт за нею в погоню, а навстречу ему выходят односельчане жениха. Начинаются переговоры, которые оканчиваются или мировой и свадьбой, или же ссорой и тяжбой. В древности подобные столкновения имели более ожесточённый характер и положение невесты пленницы было самое печальное. В свадебных песнях невеста до сих пор оплакивает эту горестную судьбу своей прародительницы.

Быть саду полонённому,
Всему роду покорённому!..
Приедут ко батюшке
С боем да со грабежом;
Ограбят же батюшку,
Полонят мою матушку,
Повезут меня молоду
На чужую на сторонущу!

В других песнях невеста упрашивает «своих подружек схоронить её от *лихого наездника*», т. е. жениха, и в некоторых местностях до сих пор удерживается обряд этого прятанья. Подруги прячут невесту в угол и завешивают платком. Жених срывает платок и насильно целует невесту. При старинной враждебности семей, при отдалённости их друг от друга, при общем безмирье страны, при насильственном захвате девушек, свадебные свиты по необходимости должны были состоять из вооружённых наездников, способных к за-

щите и к нападению, и они до сих пор сохраняют свой древний воинственный характер. Вместе с тем предпринималось множество предосторожностей против ведовских чар злых людей, которые всегда стараются расстроить свадьбу или *испортить* молодых, причинив им какое-нибудь существенное зло. Эта боязнь чар, эта крайняя подозрительность при свадьбах, легко объясняемые тогдашнею враждебностью родов, сделали присутствие на свадьбе колдуна столь же необходимым, как и присутствие свиты жениха. У донских казаков, напр., ведун, заблаговременно приисканный дружкой, не отлучался от жениха до окончания брака, наблюдая, чтобы на порогах и на притолоках не было чародейства и чтобы в пищу и питьё не примешал кто-нибудь порчи.

Само собою понятно, что набег с целью умыкания невест не всегда оканчивались удачно для жениха и его пособников. Есть много свадебных обрядов, показывающих, что часто набег жениха, встреченный достаточным отпором со стороны родичей невесты, оканчивался любовною сделкою с последними. В Саратовской губернии, напр., дружка сначала ссорится и даже дерётся с братом невесты, охраняющим её, а потом между ними начинаются переговоры, кончающиеся продажей девушки. В других местах по обе стороны невесты сидят два мальчика с палками, изображающими мечи. Когда жених приближается к невесте, то они начинают бить его и дружку. Дружка вынимает деньги и даёт им. Начинается ряд, и невесту закупают. По мере ослабления междуродовой

враждебности, по мере умиротворения земли, брак постепенно переходил из своей разбойничьей формы умыкания в мирную форму купли-продажи, которая удержалась вплоть до нашего времени. Жених везде называется *купцом*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.